

возмужали эти лица! В них почти уж не оставалось ничего детского. Зашел разговор о школе имени Горького...

Олег настойчиво требовал взорвать школу. Сережа Тюленин вскочил со своего места и встал позади стула Олега.

— Ребята, — продолжал Олег, подчеркивая каждое слово; лицо его было бледно, глаза казались еще больше из-за худобы лица и жестко блестели, — ребята, подумайте сами: когда еще представится нам такой случай? А теперь мы сможем одним ударом уничтожить всех палачей, а вместе с подхалимами их соберется на бал не менее ста человек. Столы будут стоять в спортивном зале. Это же наша школа, ребята! Нам там все закоулки известны. Под лестницу заложим побольше взрывчатки — и к чорту фрицев! Подумайте: одним ударом всех!

Я видела, как вспыхнули глаза Нины Иванцовой, обычно спокойной и выдержанной. Она всем сердцем была за предложение Олега. Начался горячий спор. За Олега были, конечно, Тюленин, он прямо-таки не стоял на месте, Туркенич, Попов, Валя Борц — она просила послать на взрыв школы ее.

Но большинство было против. Кто-то сказал:

— Это неразумно. Мы подведем под смерть все население Краснодона. Немцы жестоко отомстят за взрыв.

И еще кто-то говорил об осторожности, о том, что лучше подождать. Олег горячо протестовал. Видимо, это первое разногласие с его товарищами и угнетало его, но и заставило говорить его жарче, убеждать, доказывать. И он говорил, резко взмахивая рукой:

— Немец не опасен только мертвый. Запомните это! Не мы ли сами говорили: кровь за кровь, смерть за смерть? А как все приказы Сталина кончаются, вспомните: смерть немецким оккупантам! Так чего же мы спорим? Смерть,